

По итогу регрессионного анализа была обнаружена значительная ассоциация между долей молодых депутатов и процентом мандатов, принадлежащих «Единой России». *P-value* был равен 0,00000039, это говорит нам о высокой вероятности соответствия набора данных альтернативной, а не нулевой гипотезе. Коэффициент детерминации 0,27, такова доля объясненной вариации. Значение «*Intercept*» сообщает о том, что ожидаемый процент молодых депутатов в легислатуре составлял бы приблизительно 25%, при условии, что «Единая Россия» не занимает ни единого места. Коэффициент регрессии указывал на ожидаемое уменьшение доли молодежи на 0,2% при повышении присутствия «Единой России» в легислатуре на 1%. Подобное может говорить о том, что нынешняя партия власти практически не заинтересована в рекрутировании молодежи в группу региональных элит. Также прочная связь имеется между годом выборов и долей молодежи среди депутатов. С каждым годом ее число стабильно возрастает, *p-value* при очередном анализе был равен 0,00015. Однако стоит учесть небольшое число случаев, равное шести избирательным циклам. Сами региональные легислатуры в доле числа молодых депутатов представляют из себя распределение, относительно близкое к нормальному, и органично вписываются в кластерный анализ всего по трем показателям: непосредственно региону, проценту молодых депутатов и доли мандатов «Единой России».

Среднее число молодых депутатов в регионах (до 35 лет) по стране составляет около 10%, и лишь менее 1% относятся к категории моложе 26 лет. Среди партий-покровителей молодых депутатов лидирует «Единая Россия», что связано с ее наибольшим присутствием в легислатурах в принципе, второе место занимает ЛДПР, ее, в некоторой степени, можно считать главным проводником молодежи в региональные представительные органы, если судить по доле молодых людей среди общего числа депутатов, входящих в ЛДПР. Среди инструментов рекрутирования преобладают партийный список, опыт в муниципальном депутатстве и внутрипартийная карьера.

Дальнейшее исследование данной темы предполагает расширенное использование качественных данных, для чего предполагается обращение к информации, касающейся политической культуры конкретных территорий. Кроме того, при нахождении валидных переменных возможно расширение предикторов и дальнейший их анализ с точек зрения мультипликативности и мультиколлинеарности.

Столетов О.В.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **ПРИОРИТЕТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНОЙ ЕВРАЗИИ В СТРАТЕГИЯХ ОСНОВНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОРОВ**

Современная мировая политическая динамика характеризуется смещением пространства стратегической конкуренции в Южную Евразию, к которой представляется возможным отнести территории Евразийского континента, омываемые с юга Индийским океаном, а с юго-востока — Тихим. На стратегическом уровне повышение внимания основных международных акторов к проблемам безопасности в Южной Евразии характеризуется рядом факторов. Во-первых, структуру международных отношений все больше формирует стратегическое соперничество США и Китая, наиболее интенсивно проявляющее себя в зоне реализации инициативы «Один пояс — один путь» и прежде всего мегапроекта «Морской Шелковый путь XXI века» (далее — МШП-XXI). Во-вторых, усиливаются геополитические и геоэкономические противоречия между Китаем и Индией, которые проецируются на их отношения с третьими странами. В-третьих, Южная Евразия, превращаясь в перспективный драйвер роста мировой экономики и энергопотребления, сталкивается с широким спектром проблем безопасности.

Свидетельством концентрации внимания США и другими акторами «коллективного Запада», прежде всего Японией, Австралией, Великобританией, Францией, Германией, Евросоюзом в целом, на проблемах безопасности Южной Евразии является утверждение ими во второй половине 2010-х годов стратегических документов, ставящих задачу активизации сотрудничества в сфере безопасности с государствами Индо-Тихоокеанского региона (далее — ИТР). Эти документы отличает ориентация на широкий спектр разновидностей безопасности, как традиционных, так и новых. Особый акцент делается на вопросах морской, транспортной, энергетической и водной безопасности, контроля над вооружениями, противодействия угрозам в таких областях, как киберпространство, экология и климат, инфраструктура, здравоохранение, борьба с терроризмом, экстремизмом и защита гражданских прав. В документах прослеживается общая установка на «перехват повестки дня» в сфере безопасности ИТР за счет развития сотрудничества государств региона — стран-членов АСЕАН (прежде всего Индонезии, Сингапура, Филиппин, Таиланда, Малайзии, Вьетнама), Индии, Австралии, Японии, Новой Зеландии, Южной Кореи, с США, ведущими странами Европы, Евросоюзом и НАТО, а также в рам-

ках многосторонних объединений в сфере безопасности: Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD), Пятисторонние договоренности по коллективной обороне (FPDA) и другие форматы.

Не имея общей границы по суше с государствами Центральной Азии и Ближнего Востока, Индия серьезно экономически зависима от логистики между Тихим и Индийским океанами. Реализуя концепцию «Sagar Mala», Индия заинтересована в расширении сотрудничества с государствами Индийского и Тихого океанов, в том числе посредством интеграции в формирующуюся систему «морских альянсов» ИТР: QUAD, Трехсторонняя инициатива по сотрудничеству в сфере морской безопасности и др.

АСЕАН на фоне интенсификации борьбы США и КНР за лидерство в ИТР старается сохранить за собой ключевую роль в формировании архитектуры безопасности в регионе, обеспечивающую мирное развитие на основе многостороннего сотрудничества.

КНР стремится к преодолению «Малаккской дилеммы» и обеспечению безопасности мегапроекта МШП-XXI. В условиях обострения противоречий с США, их близкими союзниками и партнерами в ИТР Китай заинтересован в сохранении взаимодействия в сфере безопасности со странами АСЕАН, прежде всего расположенными на территории Индокитая, а также контролирующими Малаккский пролив, при одновременном укреплении двустороннего военного сотрудничества с Россией, Ираном, Пакистаном, Бангладеш.

Россия, продвигая концепцию «Большой Евразии» и Концепцию коллективной безопасности в зоне Персидского залива, стремится к поддержанию сбалансированных отношений с ключевыми государствами Южной Евразии. Россия выступает против внедрения блоковых подходов в международную политику Южной Евразии и содействует формированию неконфронтационных отношений между странами этого региона, в том числе посредством многостороннего диалога в рамках ШОС. Усиливая внешнеполитические позиции в Южной Евразии, Россия укрепляет свой Тихоокеанский флот, развивает сотрудничество в сфере безопасности с Китаем, Индией, Ираном, Пакистаном, а также странами АСЕАН, прежде всего стремящимися к выстраиванию конструктивных отношений с КНР (Вьетнам, Лаос, Мьянма).

Результатом активизации внешнеполитических стратегий основных международных акторов в Южной Евразии становятся расширение их военного присутствия в ИТР, рост соперничества в области реализации инфраструктурных проектов. Нарастающая конкуренция подходов к обеспечению безопасности в Южной Евразии все более интенсивно притягивает к себе США, страны Европы, Восточной Азии, Россию и другие государства евразийского пространства, которые вовлекаются в сложное взаимодействие, сочетающее элементы сотрудничества и конфликтности.

Стрежнева М.В.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, МГИМО МИД России, Москва)

## **МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ОСНОВА ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО ПОДХОДА В МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ**

С точки зрения интерпретивизма любые факты зависят от контекста. Факты устанавливают агенты, придерживающиеся определенных традиций в интерпретации мира. Иными словами, вне какой-то конкретной трактовки получение знания в принципе невозможно. Следовательно, и при анализе международно-политического поведения мы не можем обойтись простым изучением фактов, не уточнив при этом смыслы, которые агенты вкладывают в политические концепты и практики.

Интерпретативная политическая наука, которая позаимствовала свои особые методы у социологии, претендует на изучение «смысловой нагруженности» международной политики. В конечном счете международно-политическое поведение — это поведение людей, которое интенционально, т.е. содержит субъективную компоненту, иначе говоря — оно не полностью познаваемо для науки «традиционной». Однако подобное заимствование остается проблематичным в той степени, в какой политологи игнорируют «напряжение» между объектом социологии (общество) и методологическим индивидуализмом в том виде, как данный принцип был сформулирован Максом Вебером. Для Вебера в социологическом объяснении только индивидуальное действие выступает как «субъективно постижимое» (т.е. поддающееся гипотетической каузальной интерпретации третьим лицом, которая тем не менее подлежит объективной верификации)<sup>1</sup>. Важно, что методологический индивидуализм отличен от атомизма в том смысле, что не влечет за собой необходимости полной редукции социологических подходов к психологическим, признавая автономное существование межличностных отношений, которые несводимы полностью к состоянию психики или индивидуальному ментальному состоянию их

<sup>1</sup> Aragona M. Causal understanding: Max Weber and the interpretation of human actions // Dialogues in Philosophy, Mental and Neuro Sciences. 2018. No. 11 (1). P. 36–48.